

О Г Е Р О Ъ.

*Свѣтлой героической памяти
Петра Николаевича Врангеля.*

Мы знаемъ, мы хорошо знаемъ, что нужно нашей Родинѣ. Россіи нуженъ *герой*, за которымъ радостно пойдутъ всѣ сильные, всѣ благородные и вѣрные; пойдутъ служить, спасать и строить, забывая о себѣ и памятуя только о всенародномъ дѣлѣ. Россіи нуженъ могучій человѣкъ, *рожденный для властвованія*; зоркій, какъ орелъ; благородный, какъ совѣсть; свободный, какъ вдохновеніе. Вождь, призванный къ единоначалію, способный къ непререкаемому велѣнію; съ государственной мудростью и гениальной шпагою. Въ этомъ исходъ: это необходимая и драгоцѣнная *форма* всероссійскаго спасенія и возрожденія; и доколѣ она не создастся и мы не будемъ готовы влиться въ нее, — дотолѣ будетъ тянуться партійная суетня, то злодѣйская до неистовости, то безвольная до преступности.

Напрасно думать, что время героевъ и героизма прошло безвозвратно; оно не прошло и не пройдетъ никогда. Не истощились и не истощатся силы Божественной благодати, посылающей людямъ свои дары мѣрою щедрою, но неравною; и пока длится человѣческая исторія, до тѣхъ поръ силою вещей будутъ выдвигаться великіе люди, отмѣченные духовными дарами и энергіей, и призванные нести общее бремя. Такъ всегда было, такъ всегда и будетъ; и въ этомъ законы исторіи неизмѣнны и непреходящи.

Люди неравны отъ природы: имъ дается не одинаковая *воля* и не одинаковая *прозорливость*. Безсмысленно и гибельно — подчинять волевого безвольному; нелѣпо и вредно — давать имъ въ жизни одинаковый вѣсъ. Сужденія близорукаго и прозорливаго неравноцѣнны; и нельзя требовать отъ зрячаго, чтобы онъ шелъ за слѣпцомъ. Нелѣпо думать, что слѣпцы сумѣютъ найти прозорливаго, «выбрать» его и подчиниться ему: не пайдутъ — ибо слѣпецъ совсѣмъ и не

знаеть, что такое прозорливость и не вѣрять въ нее; а если случайно найдуть, то замучаютъ или растерзаютъ его изъ зависти и злобы. Люди неравны отъ природы; и это неравенство *обязываетъ болѣе сильныхъ и болѣе зоркихъ къ отвѣтственнымъ выводамъ, рѣшениямъ и поступкамъ.*

Но люди неравны не только отъ природы: они отличаются другъ отъ друга по своему *правственному уровню* и по своимъ *цѣлямъ*. Не можетъ трусъ вести храбраго; не можетъ совѣстный подчиняться безсовѣстному; бѣда, если подлецы поработятъ благородныхъ; но вести призванъ тотъ, *у кого личная страсть насыщена всенароднымъ дѣломъ.* Безсмысленно ожидать, что трусы и жадные сумѣютъ и захотятъ выдвигать доблестныхъ; напротивъ, они всегда будутъ готовить имъ гибель — клеветою, интригою и предательствомъ. И это возлагаетъ совершенно опредѣленные *обязанности* на всѣхъ болѣе честныхъ и вѣрныхъ родинѣ.

Героическій вождь всегда дается народу свыше. Онъ является «всегда точно молнія съ неба» (Карлейль). Но для свершенія своего дѣла, онъ долженъ быть еще *узнанъ, принятъ и возведенъ.* И вотъ, если что-нибудь оскудѣло въ человеческой исторіи, то не таинственная и благодатная сила природы, дарующая народу героя и вождя, а способность толпы узнавать величіе чужой души, и готовность негероевъ радостно подчиняться герою. Современный человѣкъ толпы развѣиваетъ и растрчиваетъ лучшія силы своей души: вѣру въ Бога, инстинктъ національнаго самосохраненія, вкусъ къ духовному качеству, чувство своей личной ограниченности. Онъ самоувѣренъ и притязателенъ; онъ плоскодумъ; онъ вѣрять въ химеру равенства; онъ убѣжденъ, что количество выше качества. Даръ Божіею милостью не трогаетъ его пошлой души; повиновеніе «лицу» кажется ему униженіемъ; онъ предпочитаетъ льстеца вождю; и самую рабскую изъ своихъ чертъ — неспособность преклониться передъ чужимъ духовнымъ величіемъ — онъ принимаетъ за «чувство внутренней свободы». Онъ идетъ мимо героя и не видитъ его; а если узнаеть о немъ, то встрѣчаетъ его хулою и злобою. Душа его опустошена и безплодна; и потому она корыстна и продажна. И всеобщее голосованіе ведетъ лишь къ сложенію двусмысленныхъ нулей.

Герой — не Богъ, а человѣкъ. Правда, онъ силенъ сверхчеловѣчески; но онъ не всемогущъ; и дѣйствіе его подчинено

законамъ природы, общества и исторіи. И если его народъ одержимъ бѣсомъ глухимъ и нѣмымъ; и если окружающая его «общественность» болѣетъ празднымъ честолюбіемъ и жалкимъ, демократическимъ самомнѣніемъ, — то самыя великія и вдохновенныя напряженія его не дадутъ плода, и лишь превратятъ его жизнь въ муку и скорбь. Народъ долженъ *принять* героя; его зовущій голосъ долженъ быть услышанъ, понятъ и почувствованъ. Воля героя, — какъ нѣкая горящая купина: но горѣніе ея должно передаться другимъ и охватить всѣхъ. Прозорливость его безошибочна и спасительна; но она нуждается въ довѣрїи и повиновенїи. Дѣла его — подобны его совѣсти; но они нуждаются не въ инсинуаціи и не въ клеветѣ...

Въ человѣческихъ дѣлахъ есть таинственная сила — *личной вѣры* въ вождя и *личной любви* къ нему. Не всякій, въ кого люди вѣрятъ, силенъ; и не всякая любовь вдохновляетъ того, къ кому она направлена. Но человѣку съ сильной и ведущей волей необходимо личное довѣріе для того, чтобы онъ могъ развернуть всѣ сокровища и всѣ возможности своего духа. Оно необходимо ему не столько для того, чтобы укрѣпить его вѣру въ его собственныя силы — ибо у призваннаго вождя эта вѣра бываетъ почти всегда на уровнѣ его реальныхъ, великихъ силъ; — сколько для того, чтобы душа его почувала весь раскрывшійся ей необъятный просторъ общественнаго созиданія и отвѣтила на это всею полнотою доступнаго ей напряженія. Довѣріе заряжаетъ волю вождя; повиновеніе — несетъ ее къ побѣдѣ. Довѣріе и повиновеніе превращаютъ его въ живой, творческой центръ страны; они какъ бы удесятеряютъ его силы и извлекаютъ изъ его воли лучи неизмѣримаго напряженія и неописуемой значительности. А вырастающая изъ этого *личная любовь* къ вождю даетъ ему ту творческую увѣренность, то удовлетворенное равновѣсіе, которое необходимо ему для того, чтобы окрылилось и углубилось его вдохновеніе.

Въ этомъ таинственномъ процессѣ духовнаго заряда и разряда, вождь, — кто бы онъ ни былъ: полководецъ, правитель или монархъ, — срастается со своею страной въ *великое и вдохновенное единство*; и единеніе это оказывается тѣмъ болѣе жизненнымъ и плодотворнымъ, чѣмъ болѣе *искренняго довѣрія и волевой преданности* вождь встрѣчаетъ на своемъ

пути. Напрасно люди разсудочные, слѣпые и завистливые пытаются противопоставлять вождя народу и увѣряютъ, будто его власть покоится на «узурпаціи», будто онъ «деспотъ» и «тирань». Петръ Великій не противостоялъ Россіи, а посилъ ее въ себѣ и несъ на своихъ плечахъ ея историческое бремя; и лучшіе русскіе люди его времени, служившіе *ему* за совѣсть, были не «его холопами», а подлинными слугами и строителями *Россіи*. Армія, обожавшая Суворова и всегда безтрепетно ходившая съ нимъ на смерть — состояла не изъ униженныхъ рабовъ, а изъ русскихъ людей, *возвысившихся* до волевой преданности Родинѣ и ея геніальному полководцу. И русскую культуру творили не подпольные убійцы Царя Освободителя, «отвергавшіе» «личное начало» и подготовлявшіе *революціонную диктатуру*, а тѣ мудрые и преданные слуги Россіи, которые умѣли служить Родинѣ служба Царю, и которые дали міру реальное и вѣчное доказательство того, что *единовластіе — не врагъ культурной свободы*.

Преклоненіе передъ благородной и сильной волею героя и вождя — *не унижаетъ душу, а возвышаетъ ее*. Унизительно пресмыканіе, а не довѣріе; позорна лесть, а не преданность: отвратительна интрига, а не прямое и честное служеніе. Но прямое и честное служеніе совѣмъ не требуетъ ни слѣпоты, ни тупой покорности, ни отказа отъ внутренней, духовной свободы; напротивъ: ведущій ждетъ отъ ведомыхъ *разума и совѣта; честной идейности и мужественной правды; служенія за совѣсть*, а не безсовѣстнаго и раболѣпнаго прислуживанія. Истинный вождь есть мастеръ и *художникъ власти*; онъ не покушается ни на чью внутреннюю свободу, но только полагаетъ конецъ честолюбивой болтовнѣ и ненасытному партійному и личному интриганству. Свобода не въ политическомъ разнузданіи, а въ вѣрности своимъ убѣжденіямъ; и не въ отсутствіи подчиненія и обязанностей, а въ неизблемости личныхъ правъ. И рабъ не тотъ, кто умѣетъ служить за совѣсть и повиноваться съ достоинствомъ, но тотъ, кто при словѣ «вождь» уже яростно трясеть воображаемыми цѣпями, и въ комъ *геройство Божіей милостью* вызываетъ лишь зависть и злобу . . .

Герой нуженъ Россіи: *вѣрный Ей художникъ власти!* Человѣкъ, который не колеблется, не приспособляется и не бѣжитъ навстрѣчу событіямъ; но заранѣе, издалека предвидитъ

эти событія и лѣпннть изъ ннхъ свое будущее служеніе. И власть идетъ къ нему сама, какъ музыка къ вдохновенному музыканту, какъ стихи къ великому поэту. Россіи нуженъ *могучій слуга*, который призванъ *служить властью*; который видитъ зракомъ орлимъ и ведетъ дланью мощною и безтрепетною; который самъ горитъ и потому другихъ зажигаетъ; въ которомъ живетъ паѳосъ государственной прозы и національная идея, способная овладѣть нашей исторической трагедіей.

Такой челоѳкъ необходимъ Россіи и онъ будетъ ей данъ: если не теперь, то позднѣе. А намъ, въ ожиданіи его и въ предвидѣніи его, намъ надлежитъ готовить свою *зоркость* и свою *совѣсть* для того, чтобы распознать его и встать вокругъ него несокрушимою, вѣрною стѣною. Ибо «одно изъ двухъ: или мы научимся узнавать истинныхъ героевъ и вождей, взирая на нихъ; или же нами неизмѣнно и навѣки будутъ управлять негеройскіе люди» (Карлейль)... тѣ самые, которые для истиннаго героя имѣютъ одну хулу.

Да не будетъ этого въ нашей Россіи!

Редакторъ.
